

ТАТЬЯНА
ВОРОЖЕЙКИНА

Аргентинский маятник – 2

За полгода, прошедшие с момента вступления в должность, президент Аргентины Хавьер Милей стал одним из самых известных латиноамериканских политиков. Он беспрестанно ездит за границу, выступает с лекциями, утверждая, что под его руководством Аргентина «осуществляет самый радикальный процесс экономического урегулирования [*ajuste*] не только в своей истории, но и в истории человечества»¹.

Действительно, ценой значительного падения покупательной способности зарплат и пенсий, ликвидации социальных пособий и сокращения трансфертов провинциям правительству удалось добиться положительного баланса бюджета и существенно снизить инфляцию. Для Милея, который объявил себя «величайшим выразителем идеи свободы

¹ CUFRE D. *Más impuestos, más tarifas, más ajuste* // Página 12. 2024. 1 de junio (www.pagina12.com.ar/741220-mas-impuestos-mas-tarifas-mas-ajuste).

ПРЕВРАТНОСТИ
МЕТОДА

в мире»², эти два показателя – дефицит государственного бюджета и уровень инфляции – остаются главными и, похоже, единственными целями экономической политики независимо от того, с какой скоростью сокращается платежеспособный спрос и какими темпами падает производство.

Между тем нынешний процесс *урегулирования* отнюдь не является первым в истории Аргентины, которая за минувшие сто лет неоднократно повторяла один и тот же цикл: экономический кризис – популистская программа экономической экспансии – инфляция – *ajuste* – рецессия – новый кризис – и далее с теми же «остановками». Рассматривая колебания аргентинского маятника от популизма к жесткой экономии, от демократии к авторитаризму – и обратно³, – далее я предлагаю рассмотреть один из самых интересных эпизодов этого процесса.

Экономическая политика президента Артуро Фрондиси, свергнутого военными в 1962 году, привела к промышленной экспансии и расширению внутреннего рынка. Однако у этого процесса была и обратная сторона:

«Парадокс заключался в том, что проект импортозамещения, родившийся во время Второй мировой войны в рамках националистической стратегии, привел к увеличению влияния иностранного капитала в экономике. К тому же промышленный рост был крайне неустойчивым. Он ограничивался внутренним рынком, что не позволяло предприятиям экономить на масштабе, как это могло бы быть, если бы правитель-

ство стремилось стимулировать промышленный экспорт. Новая промышленная структура по-прежнему зависела от доходов, приносимых аграрным экспортом, которые позволяли финансировать закупки капитального оборудования и промежуточных товаров. Иначе говоря, сохранялась та самая традиционная зависимость, с которой стратегия Фрондиси должна была покончить»⁴.

Иностранные инвестиции были сконцентрированы в новых отраслях, где им гарантировалась особая защита от внешней конкуренции. В результате в промышленности сложилась дуалистическая структура: современный капиталоинтенсивный сектор, где действовали иностранные компании, привнесшие передовые технологии и высокие зарплаты, сосуществовал с более традиционным трудоинтенсивным сектором, в котором доминировал национальный капитал, где использовалось устаревшее оборудование и платились более низкие зарплаты⁵.

Свергнув Фрондиси, аргентинские военные не стали брать управление страной на себя. Временным президентом в соответствии с действующей Конституцией стал председатель Сената Хосе Мария Гидо, входивший вместе со свергнутым президентом в непримиримое крыло Радикальной партии. Назначившие его армейские генералы и «сильный человек» нового режима, министр внутренних дел Родольфо Мартинес, попытались вернуться к плану Фрондиси по постепенной реинтеграции перонистских масс в политическую

2 «*Soy el político más popular del mundo*». Javier Milei con Luís Majul. 2024. 23 de mayo (www.youtube.com/watch?v=fvyEnWj8ChM).

3 См. другие тексты на эту тему: Ворожейкина Т. *Генерал Перон и справедливость без свободы* // Неприкосновенный запас. 2024. № 1(153). С. 166–183; Она же. *Аргентинский маятник* // Неприкосновенный запас. 2024. № 2(154). С. 68–76.

4 LYNCH J., CORTÉS CONDE R., GALLO E., ROCK D., TORRE J.C., DE RIZ L. *Historia de la Argentina*. Buenos Aires: Editorial Crítica, 2002. P. 255.

5 Ibid.

систему. Однако этому решительно воспротивилась другая часть армии, а также военно-воздушные и военно-морские силы, что положило начало череде военно-политических кризисов, которые сопровождали все недолгое президентство Гидо (1962–1963).

Под давлением военных Гидо был вынужден аннулировать результаты состоявшихся в марте 1962 года выборов, распустить парламент и ввести федеральное управление в провинциях, включая и те, где перонисты не стали победителями. В сентябре 1962-го открытое противостояние легалистской фракции вооруженных сил («синих» – *azules*) и бескомпромиссных противников перонизма («цветных» – *colorados*) закончилось победой первых: генерал Хуан Карлос Онганиа добился капитуляции наиболее воинственных и антиперонистски настроенных генералов и старших офицеров и отправил их в отставку.

Это открыло дорогу для поисков политического урегулирования, которое позволило бы военным вернуться в казармы. Две части политической формулы, предложенной «синими», оставались теми же, что привели Фрондиси к власти в 1958 году: нужно было, во-первых, обеспечить включение перонистских масс в политические институты и при этом, во-вторых, не допустить возвращения перонистских лидеров к власти. Военные хотели создать широкий политический фронт, который включал бы перонистский электорат, но находился бы при этом под руководством других сил.

Как и в 1958 году, Перон согласился с этим планом, поскольку альтернативой ему с бесспорной очевидностью виделась военная диктатура. Находившийся в изгнании лидер пошел на компромисс, надеясь на то, что тем самым

будет открыт путь для медленного и постепенного возвращения перонистов в политическую систему. С этой целью Перон назначает внутренним руководителем своего движения умеренного политика Рауля Матеру, сменив профсоюзного лидера Андреса Фрамини, который после провалившейся в 1962 году попытки стать губернатором провинции Буэнос-Айрес занимал все более непримиримую позицию и сдвигался влево.

Впрочем, этому плану не суждено было осуществиться: он натолкнулся на жесткое сопротивление антиперонистов, как гражданских, так и военных. После новой попытки мятежа, на этот раз со стороны военно-морских сил, военные начали постепенно отстранять от участия в выборах все политические организации, которых подозревались в том, что они представляют ортодоксальный перонизм или связаны с ним. В такой ситуации Перон и свергнутый президент Фрондиси призвали своих сторонников голосовать пустыми бюллетенями (*voto blanco*).

Президентские выборы 7 июля 1963 года прошли в условиях полной политической и юридической неразберихи, «войны всех против всех». Победу на них одержал малоизвестный провинциальный политик Артуро Илья, который представлял умеренный Гражданский радикальный союз народа (*Unión Cívica Radical del Pueblo*). Ему противостояли «непримиримый» радикал Оскар Аленде и генерал Педро Арамбуру – лидер «Освободительной Революции» 1955 года, надевавшийся получить голоса антиперонистов. На этот раз существенная часть перонистского электората послушалась своего вождя и голосовала так, чтобы не допустить возвращения к власти наводившего страх генерала Арамбуру. Оставили бюллетене-

ни пустыми 19,4% избирателей, Илья получил 31,9%, Аленде – 20,8%, генерал Арамбуру – 17,8%.

Так началось президентство доктора Артуро Ильи (1963–1966) – последний относительно спокойный период в бурной политической жизни Аргентины, за которым последовали почти два десятилетия военных диктатур. Политический стиль Ильи, провинциальный и осмотрительный, как нельзя лучше соответствовал настроению аргентинского общества, уставшего от постоянных конфликтов и принявшего нового президента без иллюзий, в отличие от того горячего энтузиазма, который вызвала в 1958 году победа Фрондиси. Целью Фрондиси было обновление, а Илья, напротив, выступал за то, что было проверено опытом.

В экономической области Илья оставался верен программе Радикальной партии, которой она придерживалась с 1940-х: национализм, перераспределение доходов, государственный интервенционизм. Первым своим декретом новый президент аннулировал контракты, подписанные правительством Фрондиси с иностранными нефтяными компаниями. В результате им пришлось выплачивать крупные компенсации, развитие аргентинской нефтяной промышленности замедлилось, а правительство в самом начале своего мандата вызвало стойкую неприязнь у предпринимателей и иностранных инвесторов. В условиях экономической рецессии 1962–1963 годов промышленные мощности, которые значительно увеличились в результате инвестиционного бума 1960–1961-го, были загружены лишь на 50%, безработица достигла 9% в большом Буэнос-Айресе и еще более

высокого уровня во внутренних районах Аргентины.

Стратегия, избранная правительством Ильи для стимулирования производства, была прямой противоположностью той, которой придерживался Фрондиси. Теперь роль мотора промышленной экспансии отводилась не иностранным инвестициям, а расширению внутреннего спроса, поддерживаемому денежными, фискальными, кредитными мерами и повышением минимальной заработной платы. Такая экономическая политика означала возвращение к классической популистской модели, подобной той, которой придерживался Перон в 1946–1952 годы. В ее рамках главным источником накопления капитала, необходимого для обеспечения промышленного роста, выступало расширение платежеспособного спроса со стороны наемных работников. Иначе говоря, от уровня занятости и реальной заработной платы решающим образом зависел уровень прибыли промышленных предприятий, направляемой затем на расширение производства⁶. У предпринимателей и трудящихся возникали, таким образом, взаимодополняющие экономические интересы, которые и лежали в основе популистской социально-политической коалиции, объединившей национальную буржуазию, городских трудящихся и государство⁷.

Подобная коалиция, как правило, складывалась в условиях экономической рецессии: так произошло при Пероне, то же самое повторилось через полтора десятилетия при Ильи. Промышленный спад 1962–1963 годов вновь вызвал к жизни популистскую программу стимулирования спроса: правительство сделало более доступным кредито-

6 CANITROT A. *La experiencia populista de redistribución de ingresos* // Desarrollo Económico. 1975. Vol. 15. № 59. P. 337.

7 См.: ВОРОЖЕЙКИНА Т. *Генерал Перон и справедливость без свободы*. С. 29.

вание для частных лиц, благодаря чему выросли продажи товаров длительного пользования; казначейство списало часть задолженности государственных служащих и поставщиков; увеличились федеральные трансферты провинциям; законодательно был установлен минимальный уровень заработной платы, который периодически повышался⁸.

Эта политика привела к быстрому успеху, по крайней мере в краткосрочной перспективе. В 1964–1965-м ВВП рос на 8% ежегодно, темпы роста промышленного производства составляли 15% в год, безработица сократилась вдвое, хотя в целом в результате этого подъема экономика лишь восстановила тот уровень, который предшествовал рецессии 1962–1963 годов⁹. Экономическому успеху правительства Ильии способствовала и благоприятная внешняя конъюнктура: после десяти лет застоя (1953–1963) существенно увеличились доходы от традиционного аргентинского экспорта. В 1963–1966-м из-за роста мировых цен и наращивания физического объема производства экспортные доходы повысились на 50%. Это снизило давление на платежный баланс, которое всегда усиливалось в условиях экономической экспансии, создававшей дополнительный спрос на импортируемые промежуточные товары и капитальное оборудование.

Первоначальный экономический успех не привел, однако, к укреплению политических позиций Ильии. Избранный президентом голосами только трети избирателей и действующий в условиях антиперонистских проскрипций, Ильиа не имел устойчивой опоры ни в рабочем движении, ни в предпринимательской среде, что ослабило его с самого начала президентства. Его отношения с воен-

ными складывались довольно причудливо: поражение военной фракции «цветных», которую поддерживала Радикальная партия, открыло дорогу неожиданной победе аутсайдера в лице Ильии на президентских выборах. Радикалы вынуждены были смириться с победой «синих», а также с тем, что их лидер – главнокомандующий сухопутными войсками генерал Онганиа – стал ключевой политической фигурой, «охраняемой» (от перонизма) демократии. Военные же вынуждены были адаптироваться к существованию гражданского правительства, к которому они не испытывали никакой симпатии.

Второй проблемой Ильии стали отношения с профсоюзами, которые восприняли его избрание враждебно, поскольку считали незаконным роспуск военными перонистского Народного союза (Unión Popular) накануне выборов 1963 года. Социально-экономическая политика Ильии, бенефициарами которой очевидно являлись трудящиеся, не улучшила отношения профсоюзного руководства к его правительству. Несмотря на законодательное установление минимальной заработной платы, Всеобщая конфедерация труда (Confederación General de Trabajo) в мае 1964 года под предлогом роста бедности в стране (что не соответствовало действительности) объявила план мобилизации трудящихся, согласно которому в течение нескольких недель профсоюзные активисты занимали и удерживали промышленные предприятия. Это было впечатляющей демонстрацией силы профсоюзов, главная цель которых состояла в том, чтобы ослабить правительство. Поскольку захваты протекали мирно, Ильиа счел возможным не реагировать на них и не допустил вмешатель-

8 LYNCH J. ET AL. *Op. cit.* P. 260.

9 Ibid.

ства армии. Это усугубило его политическую изоляцию и усилило призывы к восстановлению закона и порядка.

Профсоюзная мобилизация 1964 года обозначила появление на политической сцене рабочего движения нового типа. Профсоюзы выступали одновременно и как представители трудящихся на переговорах с работодателями, и как агентства, которые предоставляли своим членам широкий спектр социальных услуг. Это породило огромный бюрократический аппарат, обзаведшийся собственными интересами, но вместе с тем сделало профсоюзное руководство элементом реальной власти в постперонистской Аргентине. Политическая стратегия профсоюзов меняется: от массового действия они переходят к действию организованному, которое, по замыслу их лидеров, должно было позволить им обрести политическую легитимность одного из главных игроков в борьбе за власть. Лидером, который в наибольшей мере воплощал новую роль профсоюзов, стал Аугусто Вандор – руководитель объединения металлургов, главное действующее лицо на переговорах с предпринимателями, военными, политиками – подлинный вождь «62 организаций» («62 Organizaciones»).

В условиях проскрипций профсоюзы выполняли с большим или меньшим успехом роль главной силы политического перонизма; это была единственная структура, которая выжила после политического разгрома 1955 года. Правительство Ильии легализовала перонистское движение и его политических лидеров с единственной оговоркой: запрет на возвращение Перона в страну оставался в силе, в результате чего стало расти напряжение между изгнанным каудильо и его сторонниками в стране. В провинциях, наименее затронутых начатой Фрондиси модерни-

зацией, перонизм сохранял свой многоклассовый облик, а традиционалистские провинциальные лидеры использовали перонистскую риторику для удержания своей политической клиентелы по мере того, как они встраивались в постперонистский политический порядок. Ту же цель – прийти к соглашению с реальными центрами власти – преследовало и новое профсоюзное руководство в более модернизированных и урбанизированных районах, где перонизм к середине 1960-х практически утратил поддержку за пределами «народного сектора» (городские трудящиеся и средние слои) и рабочего класса.

В такой ситуации оба столпа перонизма – и провинциальные каудильо, и профсоюзные руководители – начали дистанцироваться от постоянно меняющейся политической тактики Перона, чья главная цель в условиях сохраняющихся проскрипций состояла в подрыве любых политических соглашений, которые его противники отчаянно пытались положить в основание сколько-нибудь устойчивого правительства. Это прямо противоречило конформистским настроениям профсоюзных лидеров: пока они пытались найти формулу политического сосуществования с антиперонистскими силами, Перон из-за границы вел войну на истощение.

Попытки профсоюзного руководства во главе с Вандором выйти из-под политической опеки своего каудильо, создать «перонизм без Перона», наталкивались на безусловную верность перонистских масс изгнанному вождю. В народе сохранялось стойкое убеждение в неизбежности его возвращения – иллюзия, которую сам Перон неустанно поддерживал и которую не поколебала даже провалившаяся попытка его приезда, организованная Вандором в декабре 1964 года. Перон вылетел из Мадрида

2 декабря, но, когда его самолет приземлился в Рио-де-Жанейро, бразильские власти по настоянию аргентинского правительства заставили бывшего президента возвратиться в Испанию. Провал этой авантюры не повлиял на престиж вождя в глазах его сторонников, а ответственность за неудачу легла на профсоюзных организаторов и на действующее правительство. Тем не менее на промежуточных выборах в Национальный конгресс, состоявшихся в марте 1965 года, победили возглавляемые Вандором неоперонистские Народный союз и Народные движения провинций (*Movimientos populares provinciales*), получившие 36,9% голосов против 29,7%, отданных правящему Гражданскому радикальному союзу народа. И хотя переизбиралась лишь половина Конгресса, позиции правительства Ильии пошатнулись, особенно в глазах консерваторов и военных.

К середине 1965 года начали проявляться внутренние изъяны, присущие популистской экономической модели, которой следовал Ильиа. Позитивный для торгового баланса страны рост цен на продукты сельскохозяйственного экспорта приводил к подорожанию продуктов питания на внутреннем рынке и, соответственно, к снижению доли заработной платы, которая шла на потребление промышленных товаров. Это в свою очередь вело к сокращению их производства и снижению занятости. Эффект мультипликации – «цепная реакция», в которой снижение занятости порождало дальнейшее падение спроса и сокращение производства до тех пор, пока не устанавливалось новое равновесие, – подрывал основы популистской социальной коалиции, поскольку уровень занятости и заработной платы

трудящихся совокупно обеспечивали спрос на продукцию предприятий, на которых они работали¹⁰. Повышение же номинальной заработной платы, лежавшее в основе промышленной экспансии 1964–1965 годов, привело к удорожанию промышленных товаров и раскручиванию инфляционной спирали: росли зарплаты – увеличивались производственные издержки – повышались цены – правительство повышало минимальный уровень оплаты труда – и так далее.

Таким образом, в успехе популистской экономической модели правительства Ильии коренился источник ее будущего провала, поскольку этот успех размывал конституирующий элемент альянса между предпринимателями и наемными работниками: рост реальной заработной платы, который создавал спрос на промышленную продукцию, одновременно уменьшал ресурсы предпринимателей, необходимые для импорта промежуточных товаров и капитального оборудования. Издержки от конфликта интересов между участниками популистского блока начали перевешивать выгоды от их взаимодополняемости. Причем все это происходило в условиях ускоряющейся инфляции, что заставляло промышленную буржуазию разворачиваться в сторону союза с агроэкспортерами, разрушало популистскую коалицию и вело к неизбежной рецессии¹¹.

В середине 1965 года, когда годовой уровень инфляции достиг 30%, правительство попыталось провести ряд антиинфляционных мер, которые, однако, не были утверждены Конгрессом, где после выборов усилилось представительство перонистской оппозиции. К тому же давление профсоюзов было столь сильным, что рост заработной

¹⁰ CANITROT A. *Op. cit.* P. 340–341.

¹¹ *Ibid.* P. 348.

платы превышал официально намеченные цели. В результате к концу 1965-го экономического подъём прекратился. Ведущие промышленные, аграрные и финансовые корпорации начали обвинять правительство в экономическом дирижизме, административной неэффективности, фискальной «демагогии» – особенно в связи с преференциями, которые Илья стремился создать для мелких и средних предприятий.

Однако не экономические проблемы стали главной причиной падения правительства Илии. После парламентских выборов 1965 года его изоляция усиливается. В военной среде крепнет убеждение, что единственная возможность предотвратить возвращение перонизма к власти – отмена выборов. В августе 1964-го генерал Онгания произносит программную речь в американской военной академии в Вест-Пойнте. В своем выступлении он отводит вооруженным силам принципиально новую роль в социально-экономическом и политическом развитии Аргентины, которая состоит в следующем:

«Служить вооруженной рукой Конституции, гарантировать суверенитет и территориальную целостность нации, охранять мораль и духовные ценности западной христианской цивилизации, обеспечивать общественный порядок и внутренний мир»¹².

Для выполнения этой задачи вооруженные силы требовалось укрепить: ведь это корпорация, несущая ответственность за экономическое и социальное развитие страны. Центральное место в новой военной доктрине отводилось предотвращению и пресечению «подрывной деятельности». Необходимыми условиями обеспечения национальной

безопасности становились, по мнению Онгании, успешное экономическое развитие и эффективное государственное управление, которые также приписывались к законной сфере ответственности вооруженных сил, что, по сути, ставило их над политикой и уничтожало политическую сферу как таковую¹³. Новая военная доктрина означала, что армия как институт впервые в истории Аргентины заявляла о готовности взять на себя не только политическое, но и экономическое руководство страной, чтобы трансформировать ее в соответствии с поставленными задачами.

Эта речь не случайно была произнесена в Вест-Пойнте. Именно здесь разрабатывалась та доктрина национальной безопасности, которую после кубинской революции и создания по ее примеру революционных движений во многих странах, администрация США внедряла в мышление и практику латиноамериканских военных. Их главной задачей становилась борьба с внутренним врагом – «подрывной коммунистической деятельностью». 31 марта 1964 года бразильские военные свергли президента Жоао Гуларта, положив тем самым конец двадцатилетнему периоду демократического популизма в Бразилии. В апреле 1965-го после свержения законно избранного президента Доминиканской Республики Хуана Боша Соединенные Штаты осуществили военное вторжение в это островное государство – с тем, чтобы поддержать противников отстраненного лидера, который считался слишком левым. Эти события еще больше усилили напряжение между правительством радикалов и военными в Аргентине: последние поддержали американскую интервенцию и настаивали на участии в формировавшихся

12 LYNCH J. ET AL. *Op. cit.* P. 262.

13 Ibid.

с этой целью межамериканских силах. Общественное мнение Аргентины, напротив, было настроено крайне негативно по отношению к американской политике: исходя из этого президент Илья отказался санкционировать участие аргентинской армии в силах вторжения.

Параллельно этому развивается внутренний конфликт в перонистском движении. Вандор и приверженцы «перонизма без Перона», вдохновленные успехом на парламентских выборах 1965 года, сочли, что настало время положить конец безусловному подчинению перонистов находящемуся за границей вождю. На съезде партии под давлением профсоюзов принимается решение о замене единоличного руководства новой, коллегиальной, структурой, призванной представлять интересы низовых перонистских организаций. Столкнувшись с этим вызовом, Перон посылает в страну свою третью жену – Марию Эстелу Мартинес, по прозвищу Исабелита, – которой поручает погасить попытку мятежа против него. В результате Всеобщая конфедерация труда раскалывается на две враждующие части, хотя Вандору и удается сохранить контроль над профсоюзным аппаратом и поддержку неперонистских политиков во внутренних районах страны.

Борьба в перонистской партии превратилась в еще один мощный фактор дестабилизации общенациональной политической ситуации. В начале 1966 года состоялись выборы губернатора провинции Мендоса, на которых открыто столкнулись интересы верховного лидера и местных перонистских каудильо. Выиграл претендент, выдвинутый союзом радикалов и консерваторов, но гораздо большее значение имело обстоятельство, что кандидат Перона набрал больше голосов, чем кандидат,

поддержанный Вандором и другими мятежниками. Это стало тяжелейшим ударом для тех, кто рассчитывал на политическую изоляцию изгнанного вождя. Произошло прямо противоположное: фракция диссидентов начала быстро терять влияние внутри движения, а грядущая победа перонистов, сплоченных вокруг верховного вождя, на предстоявших в марте 1967 года президентских выборах стала казаться неотвратимой. Военные и гражданские противники Перона открыто заговорили о необходимости предотвратить ее путем государственного переворота.

Этому способствовало и общее изменение общественной атмосферы. Начатая Фрондиси культурная и техническая модернизация в сочетании с экономическими сдвигами, вызванными притоком иностранных капиталовложений в промышленность, существенно поменяли социокультурную панораму Аргентины. На передний план выдвинулся новый слой профессиналов, директоров предприятий, университетских преподавателей и исследователей, сотрудников бизнес-школ и аналитических центров (*think tanks*), журналистов и аналитиков, для которых ценности либеральной демократии, ранее вдохновлявшие противников перонистского авторитаризма, утратили привлекательность. На место прежних мобилизующих мифов пришли задачи структурной трансформации, экономической эффективности, социальной динамики, новые модели потребления, к которым устремляется средний класс.

На этом фоне партийная система Аргентины и особенно фигура возглавлявшего страну президента выглядели полным анахронизмом. Илью обвиняли в пассивности, в том, что он действует слишком осторожно, с опозданием и не соответствует стоящим перед нацией

задачам. Кампания против Ильии, развернутая в средствах массовой информации, представляла его политическую программу безнадежно устаревшей, а его самого изображала символом упадка. В противоположность Ильии генерал Онгания и вооруженные силы в целом олицетворяли необходимые стране динамизм, эффективность и профессионализм. Журналисты, которые целенаправленно занимались дискредитацией правительства и созданием нового прогрессивного облика вооруженных сил, призванных повести страну в правильном направлении, позже стали ведущими пропагандистами военной диктатуры 1966–1973 годов.

У правительства Ильии практически не осталось союзников. Против него выступили крупнейшие предпринимательские корпорации, как промышленные, так и сельскохозяйственные. Профсоюзы с оптимизмом и надеждой смотрели на возможный приход военных к власти. Отказ от проведения выборов, на результаты которых Перон в течение двадцати лет мог оказывать решающее влияние, представлялся неоперонистам освобождением от его политической опеки. Таким образом, судьба правительства радикалов была предрешена.

29 мая 1966 года новый командующий сухопутными силами, генерал Паскуаль Пасторини, на официальной церемонии в присутствии президента произнес речь, в которой воспроизвел все клише антиправительственной пропаганды. Вопреки ожиданиям Ильиа не отреагировал на его выпад. Тогда Пасторини арестовал немногих офицеров, оставшихся верными Конституции, и проигнорировал приказ министра обороны об их освобождении. В ответ президент отправил командующего

сухопутными силами в отставку, и это запустило механизм военного переворота. 26 июня 1966 года армия захватила радио, телевизионные и телефонные станции и дала президенту шесть часов на то, чтобы объявить о своей отставке. По прошествии этого срока Ильию изгнали из президентского дворца и отправили домой. Так закончились попытки установить новый конституционный порядок, начатые после свержения Перона в 1955 году.

Трагическая фигура доктора Артуро Ильии стоит особняком в ряду аргентинских политических деятелей XX века. С социально-экономической точки зрения его президентство было и остается одним из самых успешных: экономика росла высокими темпами, резко сократилась безработица, существенно выросла заработная плата. Внешний долг Аргентины сократился с 3,6 миллиардов до 2,2 миллиардов долларов, резервы Центрального банка увеличились с 23 до 363 миллионов долларов¹⁴. Страна пользовалась уважением на международной арене: с официальными визитами Аргентину тогда посетили Шарль де Голль, Роберт Кеннеди, президент Чили Эдуардо Фрей. Политическая слабость и изоляция правительства Ильии были не его виной, а результатом специфического соотношения социально-политических сил, которое неотвратимо вело к патовой ситуации, где невозможно было создать минимально устойчивый демократический консенсус вокруг какой-либо из программ социально-экономической и политической трансформации.

Последующая судьба Ильии складывалась исключительно в частной сфере. Покинув президентский дворец и возвратив 220 миллионов песо, сэкономленных на представительских расходах, он

14 GONZÁLEZ F. *Arturo Illia: la honestidad en los tiempos del cólera* // El Cronista. 2016. 24 de junio (www.cronista.com/economiapolitica/Arturo-Illia-la-honestidad-en-los-tiempos-del-colera-20160624-0084.html).

взял такси и отправился сначала в дом брата в Буэнос-Айрес, а затем вернулся в родной город Крус-дель-Эхе в провинции Кордоба, где жил в бедности и работал врачом вплоть до самой смерти в январе 1983 года, не дожив нескольких месяцев до восстановления демократии. В 2013 году аргентинцы поставили Илью на третье место в ряду «самых честных людей мира» после Папы Франциска I и одного из героев освободительной борьбы – Мануэля Бельграно (1770–1820).

28 июня 1966 года командующие тремя видами вооруженных сил объявляют о создании «революционной хунты», прекращении полномочий президента, вице-президента, членов Верховного суда, губернаторов провинций и мэров городов. Конгресс и законодательные ассамблеи провинций были распущены, все политические партии запрещены, а их активы обращены в собственность государства. Лидеры «Аргентинской

революции», как торжественно был назван военный переворот, проинформировали народ о том, что возвращение к представительной форме правления может произойти только после того, как под руководством вооруженных сил будут демонтированы устаревшие структуры и ценности, которые блокируют восстановление национального величия. Впервые военные не устанавливали сроков своего правления: они будут у власти столько времени, сколько понадобится. Наступала новая эпоха – диктатура генерала Онгани, назначенного хунтой президентом, стала первой в истории континента диктатурой нового типа, поставившей своей целью модернизацию экономики и общества¹⁵. Аргентинский исследователь Гильермо О’Доннелл назвал подобные диктатуры авторитарно-бюрократическими режимами¹⁶; именно им предстояло господствовать на континенте в течение следующих двадцати лет.

15 Хронологически первым государственным переворотом такого типа был бразильский 1964 года. Однако первоначально он выглядел как традиционное военное *pronunciamento*, поскольку о начале структурной перестройки военные объявили лишь в 1968 году.

16 O'DONNELL G. *Modernization and Bureaucratic Authoritarianism*. Berkeley: Institute of International Studies, 1972; COLLIER D. (Ed.). *The New Authoritarianism in Latin America*. Princeton: Princeton University Press, 1979.